

ду, что солоновская сисахфия (отмена долгов) не коснулась этих земледельцев. Сословие «шестидольников» исчезло в афинском полисе позже, постепенным путем, причем главную роль здесь, возможно, сыграла деятельность Писистрата.

В конце заседания первый вице-президент Российской Ассоциации антиковедов *Л.П. Маринович* поделилась воспоминаниями о Е.М. Штаерман и особо отметила ее переводческую деятельность: Елена Михайловна много переводила и публиковала переводы античных источников в журнале «Вестник древней истории». В ней многое восхищало: невероятная память, организованность, ответственность, глубокое уважение к коллегам. Елена Михайловна была первой, кто начал связывать отечественную науку с зарубежной – на Западе наша наука об античности ассоциировалась прежде всего с ее именем и воплощалась в ее лице.

Подводя итоги чтений, *Л.П. Маринович* отметила плодотворную работу заседания и поблагодарила всех присутствующих за дань уважения памяти выдающегося историка античности.

Л.Л. Селиванова

© 2005 г.

ШЕСТЬЕ ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (26–28 октября 2004 г.)

26–28 октября 2004 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета состоялись «Шестые Жебелёвские чтения», организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ. Ставшие уже традиционными, эти очередные «Чтения» были посвящены 100-летию со дня рождения известного ленинградского антиковеда, профессора К.М. Колобовой (1905–1978), долгое время возглавлявшей кафедру истории древней Греции и Рима ЛГУ. На конференции было прослушано и обсуждено около 50 докладов. В ней приняли участие антиковеды Петербурга, Москвы, Великого Новгорода, Казани, Нижнего Новгорода, Перми, Петрозаводска, Самары, Саратова, Сыктывкара, Твери, Тобольска.

Конференцию открыл заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ профессор *Э.Д. Фролов* вступительным словом «К истории формирования новейшей ленинградской/петербургской школы антиковедения: ученая деятельность профессора К.М. Колобовой». В его выступлении был представлен краткий биографический очерк, освещена многогранная учебная и научная деятельность К.М. Колобовой. *Э.Д. Фролов* напомнил о том вкладе, который К.М. Колобова внесла в изучение древнегреческой истории, в разработку таких, в частности, проблем, как генезис и формирование греческого полиса, роль в этом процессе Великой греческой колонизации, становление Афинского государства, кризис классического полиса в IV в. до н.э. и проблемы особенностей эллинистической государственности. Подробно была также охарактеризована преподавательская деятельность К.М. Колобовой, создавшей большую школу учеников. Наконец, были по достоинству оценены ее усилия по реорганизации учебного процесса на ленинградской кафедре античной истории в послевоенный период, благодаря чему кафедра приобрела качество значимого очага отечественного антиковедения.

Первое пленарное заседание 26 октября 2004 г. (председатель – *Э.Д. Фролов*), включавшее пять докладов, было посвящено проблемам историографии античности. Сын К.М. Колобовой, известный петербургский философ и культуролог *В.В. Селиванов* в докладе «Вяч. Иванов, Н.Я. Марр и А.И. Тюменев в жизни К.М. Колобовой» поделился воспоминаниями о творческих исканиях своей матери, а также отметил влияние на ее становление как ученого тех, кого она сама считала своими учителями, – филолога-классика и поэта-символиста Вяч. Иванова, который был ее наставником во время учебы в Азербайджанском университете в Баку, знаменитого лингвиста Н.Я. Марра, с которым она встретилась во время работы в ГАИМК, наконец, одного из творцов совет-

ского антиковедения А.И. Тюменева, в значительной степени повлиявшего на складывание ее материалистических и марксистских взглядов. В докладе *О.Ю. Климова* (Санкт-Петербург) «Вопросы истории эллинизма в трудах К.М. Колобовой» было подчеркнуто, что хотя эллинизм не был предметом основного исследовательского внимания Ксении Михайловны, она постоянно возвращалась к этой проблематике в своих статьях, учебных пособиях и других работах. *О.Ю. Климов* подчеркнул, что К.М. Колобова прекрасно владела материалами источников по истории эллинизма, особо выделив ее занятия эпиграфическим материалом с о-ва Родос. К важнейшим темам, привлекавшим внимание К.М. Колобовой, автор доклада отнес тему социальных отношений (статьи о метаках и религиозно-профессиональных союзах чужеземцев на Родосе в эллинистическую эпоху), некоторые вопросы политической истории эллинизма (работы об эллинистических правителях – понтийском царе Фарнаке I и пергамском – Аттале III), отношения эллинистических государств с Римом (исследования о Понтийском царстве). *О.Ю. Климов* отметил при этом ценность и общей оценки К.М. Колобовой сущности эллинистической эпохи, и ее конкретных наблюдений по избранным частным сюжетам.

В докладе *А.Г. Грушевого* (Санкт-Петербург) «Жизнь и ученая деятельность И.Ш. Шифмана» были представлены как основные всеи биографии известного ученого, относившего себя к кругу учеников К.М. Колобовой, так и круг его важнейших научных занятий. Обращаясь к научному наследию Ильи Шолеймовича Шифмана, *А.Г. Грушевой* особо отметил его работы по востоковедению, выделив три важнейших направления его исследовательских интересов: финикийская колонизация и история Карфагена, библейская тематика, история Угарита. Большой интерес вызвал доклад *Н.С. Алмазовой* (Казань) «Д.И. Нагуевский и Казанский университет в конце XIX – начале XX века», который был посвящен Дарию Ильичу Нагуевскому (1845–1918), заслуженному профессору кафедры классической филологии Казанского университета, крупному исследователю римской литературы, переводчику римских классиков, имя которого незаслуженно забыто. В докладе особенное внимание уделяется казанскому периоду жизни ученого, поскольку именно здесь, в Казани, наиболее ярко раскрылся его талант как ученого, просветителя, педагога. Докладчик подчеркнул огромные заслуги Д.И. Нагуевского в деле организации Библиотеки классической филологии (1887 г.), первого заведения подобного рода в российских университетах, и Нумизматического музея (1886 г.), существование которых, к сожалению, пресеклось в годы революции. В докладе была также затронута деятельность Д.И. Нагуевского как историка Казанского университета.

Закключал программу пленарного заседания доклад *В.В. Семенова* (Санкт-Петербург) «Трактатка спартаковского восстания в работах израильского ученого Зейва Рубинсона». Обращаясь к историографии восстания Спартака, докладчик отметил, что начавшийся в западной историографии с 70-х годов XX в. пересмотр традиционных оценок этого восстания нашел яркое отражение в работах З. Рубинсона, появившихся в 80–90-х годах прошлого века. Приверженцы новых подходов отрицают, что это выступление было восстанием рабов, а на первый план выдвигают роль других социальных элементов – италиков, крестьянства, даже римских граждан. Автор доклада подчеркнул несостоятельность такого пересмотра, так как сама античная традиция считает восстание Спартака «рабской войной».

Во второй половине дня работали секционные заседания. На секции, посвященной проблемам истории древней Греции (председатель – В.М. Строгоцкий), было прочитано восемь докладов. *А.Л. Дарвин* (Петрозаводск) в докладе «Диоскуры как мифологический прообраз спартанской диархии» исследовал культ мифологических близнецов Кастора и Полидевка в контексте двойной царской власти в Лакедемоне. При этом автор подчеркнул, что из двух спартанских царских родов именно Агиады, выполняя жреческие функции, занимали в Спарте лидирующие позиции. В докладе «Милет на рубеже ахейской и гомеровской эпох: дискретность или континуитет?» *М.Ю. Лантева* (Тольский), сопоставляя данные археологических и литературных источников, отметила, что характерной чертой развития Милета является непрерывность заселения территории со времени упоминаемой в хеттских текстах Милованды. В докладе *Л.А. Пальцевой* (Санкт-Петербург) «Развитие судебной процедуры в архаической Греции» был представлен анализ литературных и эпиграфических источников, позволивший автору выделить основные направления судебной процедуры в период архаики: создание специальных су-

дебных органов и формирование особой, независимой от других государственных органов, ветви власти; расширение компетенции суда и появление принудительного судебного преследования; создание мер, направленных на защиту прав обвиняемых до суда и в процессе суда.

Доклад *В.В. Шувалова* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Место так называемых корабельных округов (навкрарий) в структуре Афинского государства». Суммируя данные античной традиции, автор пришел к выводу, что навкрарии представляли собой первые административно-территориальные подразделения и в то же время податные округа, созданные с целью наладить систему финансирования военно-морского флота. По мнению автора, эта система начала складываться еще в XI в. до н.э. и, имея цель обеспечить техническую сторону так называемой ионийской колонизации, управляемой из Афин, показала свою действенность. Поэтому со временем в ведение навкраров стали передавать все большие функции, прежде всего финансовые, так что к VII в. до н.э. навкрары превратились в одну из важнейших афинских магистратур. *С.М. Жестоканов* (Санкт-Петербург) в докладе «Фидон Аргосский и Коринф» отметил, что в середине VII в. до н.э. старинная вражда Коринфа и Аргоса приобрела особую остроту. Правивший в Аргосе древний царь Фидон, используя лозунг «возвращение наследства Теменидов», приступил к покорению соседних областей. По мнению автора, внешний фактор (угроза аргосского завоевания) стал, наряду с внутренней ситуацией, одной из причин утверждения в Коринфе тирании Кипселидов. *П.И. Ковалев* (Москва) посвятил свой доклад теме ««Невоюющие союзники» Крисы и антикрисейской коалиции в I Священной войне». На основе рассмотрения различных источников автор пришел к выводу, что к числу союзников Крисы могли относиться Фрасибул Милетский, временно захвативший гавань Сиклона, возможно, родосский Лиид, часть критян – соперников Кносса – и их колонистов в Геле и Акраганте. В роли союзников антикрисейской коалиции, как полагает П.И. Ковалев, могли выступать беотийцы и фокидяне, пропустившие к Дельфам и Крисе войска Фессалии и Афин.

В докладе *А.Б. Шарниной* (Санкт-Петербург) «Дельфийская надпись о священном посольстве Андроса» был сделан детальный анализ найденного в Дельфах и датированного 425 годом до н.э. ценного эпиграфического свидетельства. Это позволило автору сделать важные наблюдения относительно условий, на которых священные посольства принимались в общегреческом святилище Аполлона в Дельфах. Данные, которые содержит эта надпись, по мнению автора доклада, помогают исследовать широко распространенную в Элладе практику священных посольств (феорий) и их вклад в историю античной дипломатии. Доклад *В.Р. Гущина* (Пермь) на тему «Политическая ситуация в Афинах после Клисфена (до первых остракофорий)» касался вопроса о судьбе реформ Клисфена. По мнению автора, после ухода Клисфена с политической арены в 506 г. до н.э. его недавние соперники – представители рода Филаидов – предприняли попытку некоторой корректировки начатых Клисфеном преобразований.

В этот же день на заседании секции по истории Рима (председатель – А.В. Махлаюк) были прослушаны и обсуждены четыре доклада. В докладе *А.Н. Грешных* (Москва) «Топография культа Януса на территории древнейшего Рима» были рассмотрены местоположение, культовое предназначение и датировка всех святилищ Януса на обозначенной территории. Их связь с наиболее древними районами расселения племен латинов и сабинов на месте будущего Рима, характер конструкции, наличие наряду с храмами и алтарями таких объектов поклонения Янусу, как холмы и роши, подтверждают глубоко архаическое происхождение святилищ и самого культа. Реконструкция топографии демонстрирует чрезвычайно широкое распространение «сферы действия» Януса в раннем Риме. В нее входила практически вся основная территория древнего города Рима, вошедшего в черту измерения после латинско-сабинского синойклизма, причем с ростом Рима на протяжении царской эпохи она постепенно расширялась. По мнению автора, очевидной становится и связь Януса с помещением и его «защитная» функция по отношению к территории Рима в ранний период (VIII–VI вв. до н.э.). В докладе *А.Р. Панова* (Шижний Новгород) «Помпей и Фанагория» рассматривались отношения римлян с боспорскими городами, восставшими против власти Митридата. Особое место в этих отношениях приобрела Фанагория, которая первой подняла восстание и получила от Помпея свободу и автономию. Однако, освободившись от владычества боспорского царя, город признал высший суверенитет Рима и стал противовесом власти боспорского

царя Фарнака. Фанагорянин Кастор получил титул «союзник и друг римского народа» и, вероятно, занял в городе положение, близкое к тирании. В дальнейшем римляне отказались от поддержки Фанагории, которая была захвачена Фарнаком, и обратили свои взоры на Херсонес, сделав его опорным пунктом своего влияния в Северном Причерноморье.

В докладе *Д.А. Кирюшова* (Санкт-Петербург) «Аграрный закон 111 г. до н.э.» были рассмотрены дискуссионные вопросы о происхождении и содержании аграрных законов послегражданского времени. На основе анализа сведений античных авторов и *lex agraria eriparhica* автор пришел к заключению, что в ближайшие после деятельности Гракхов два десятилетия были приняты пять законов, которые корректировали их аграрное законодательство. Положения этих законов позволяют сделать вывод об оформлении частной земельной собственности, по меньшей мере, о возникновении ее переходной формы. По мнению докладчика, следует различать закон Тория, о котором сообщает Аппиан, и закон Тория 111 г., известный по другим источникам. Доклад *И.П. Портняжной* (Тверь) «Знатная римлянка поздней Республики» был посвящен анализу возможных подходов к изучению положения женщин в древнем Риме. По мнению автора, изменения в положении римских женщин, принадлежащих к знати, были обусловлены кризисом *civitas* и влиянием эллинистической культуры. Эти изменения нашли выражение в повышении уровня образованности знатных римлянок, в усилении их общественного влияния. Наиболее ярким примером женщины нового типа была Корнелия, дочь Сципиона Старшего и мать Гракхов. Источники не позволяют выявить отношение Корнелии к политике ее сыновей-реформаторов, но весьма примечательно, что ее образ широко использовался Гаем Гракхом в его политической риторике. Однако такие качества Корнелии, как острый ум и образованность, по-видимому, неоднократно воспринимались в римском обществе.

27 октября на заседании продолжившей свою работу секции по истории древней Греции (председатель – Г.С. Самохина) было заслушано семь докладов. *В.М. Строгоцкий* (Нижний Новгород) в докладе «Роль греческих торговцев в межполисных и внутриполисных коммуникативных отношениях классического периода» подверг сомнению распространенную точку зрения об исключительной роли греческих торговцев в распространении информации, отдав приоритет путешественникам, ремесленникам и даже крестьянам. *М.М. Холод* (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад теме «Александр Македонский и островные полисы Малой Азии» и на основе анализа нарративных и эпиграфических источников показал, что опора на демократические элементы островных греческих полисов принесла Александру Македонскому успех в его борьбе с персидским царем Дарием. Основная часть греческого населения Спорад, привлеченная македонской антиперсидской пропагандой, выступила на стороне Македонии в ее борьбе с проперсидскими режимами в греческих полисах. *Д.А. Шеглов* (Санкт-Петербург) в докладе «Среднеазиатский поход Александра Македонского: цели кампании» сделал попытку доказать, что причиной этого похода стала угроза вторжения в северные области бывшего Персидского царства кочевников-скифов. По мнению автора, именно это обстоятельство во многом объясняет действия македонского правителя.

О.Л. Габелко (Казань) и *Ю.Н. Кузьмина* (Самара) в совместном докладе «Об одной загадке династической истории эллинистических держав» на основе анализа в основном позднеантичных нарративных источников доказали, что не сестра, а дочь Антиоха II Теоса Стратоника была женой Деметрия II Македонского. Решение этого вопроса позволило авторам доклада прояснить ряд проблем политической истории эллинистических государств 250–230-х годов до н.э. *И.А. Ладынин* (Москва) в докладе «Оформление культа “богов Эвергетов” и их предков в Египте в конце 40-х – начале 30-х годов III в. до н.э.» на основе эпиграфических данных проанализировал процесс оформления в Египте культа Птолемея III и Береники II. Докладчик показал, что эти акции были адресованы не только грско-македонскому, но и местному населению, прежде всего представителям египетской элиты, и были призваны компенсировать разлад между македонской и египетской знатью царства Птолемея. Однако, как показало восстание 245 г. до н.э., добиться этого в полной мере не удалось. *А.К. Нефедкин* (Санкт-Петербург) в докладе на тему «Основные этапы развития конницы в эпоху эллинизма» выделил на основе анализа принципов комплектования, вооружения и тактики четыре этапа в развитии этого рода войск: 1) время Филиппа и Александра (359–324 гг. до н.э.);

2) эпоха «конницы Империи» (324–323 гг. до н.э.); 3) период диадохов (323–270-е годы до н.э.); 4) время существования собственно эллинистической конницы (270-е годы – I в. до н.э.). *Д.А. Скобелев* (Санкт-Петербург) в докладе «Античная иконография как источник информации о сарматском вооружении» предложил свою методику анализа памятников материальной культуры, имеющих отношение к сарматам, для установления длины копий в вооружении последних и остановился на тактике боя всадников-копейщиков. 27 октября продолжила работу и секция по истории древнего Рима. На этом заседании (председатель – К.В. Вержбицкий) было прослушано и обсуждено шесть докладов. Первым в программе заседания был доклад *А.Б. Егорова* (Санкт-Петербург) «Совет принцепса в I–III вв.: пути создания альтернативного сената». Автор особо подчеркнул тот факт, что проблема роли совета принцепса (*consilium principis*) в современной науке исследована относительно мало, причем преобладает представление о нем как о достаточно стабильной и постоянной структуре, получившей развитие еще при Клавдии и окончательно оформленной ко времени Адриана. По мнению автора, ближайшее рассмотрение показывает иную картину: *consilium principis* I–II и даже III в. представляет собой неформальную, аморфную, подверженную переменам и проявляющуюся лишь спорадически систему, оформившуюся не ранее северовского времени или даже только в IV в., после завершения организации так называемой «священной консистории».

В докладе *А.В. Банникова* (Санкт-Петербург) «Разрушение римской оборонительной системы варварами в правление императора Грациана (375–383 гг.)» был сделан акцент на прогрессирующей с 60-х годов IV в. варваризации римской пограничной армии, что, по мнению докладчика, и стало основной причиной крушения имперской обороны на рубеже IV–V вв. Большой интерес вызвал доклад *Е.Н. Нечаевой* (Санкт-Петербург) «Роль заложников в позднесантичной дипломатии». Определяя роль института заложничества в поздней античности как ритуально-статусную, автор подкрепляет этот свой тезис многочисленными примерами из источников, попутно отмечая специфику использования данного института в отношениях поздней Империи с ее соседями: готами, гуннами, персами и т.д. Позднеантичному сюжету был посвящен и доклад *О.В. Пржигодской* (Санкт-Петербург) «Церковные историки Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит о положении и деятельности германцев на территории Римской империи». Интересной представляется высказанная автором мысль о том, что отношение к варварам в поздней античности определялось не их происхождением и конфессиональной принадлежностью, а чисто прагматическими соображениями.

Л.Л. Кучеренко (Сыктывкар) в докладе «Зарубежная и отечественная историография об Аппии Клавдии Цеке» особо отметила тот факт, что личность Аппии Клавдии Цека, человека, соединившего в себе, по мнению Т. Моммзена, достоинства греческого и римского взгляда на мир и намного опередившего свое время, до сих пор еще не получила должного освещения в исторической науке. Специальных трудов по данной теме не так много (в отечественной историографии их нет вообще), так что новое обращение к этому сюжету представляется Л.Л. Кучеренко как нельзя более актуальным.

В римскую тематику заседания внес некоторое разнообразие доклад *Е.А. Захаровой* (Нижний Новгород) «К вопросу о матримониальных связях греческих героев в Северном Причерноморье». Основной тезис доклада состоит в том, что, по мнению Е.А. Захаровой, все мифы, связанные со спутницами героев Ахилла (Еленой, Медеей, Ифигенией) и Геракла (змедевой, Афродитой) в Северном Причерноморье имеют чисто греческий характер. При этом сказания о возлюбленных Ахилла повествуют о посмертном их существовании и связаны с представлением об их супруге (Ахилле) как о хтоническом божестве, царствующем на острове Левка, а легенды о спутницах Геракла ассоциируются с прижизненными подвигами этого героя.

27 октября во второй половине дня состоялось заседание секции истории религии (председатель – Ю.Б. Циркин), на котором было заслушано семь докладов. *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) в докладе «Дельфы как центр Пилейско-дельфийской амфикистории» обратила внимание на различные аспекты представления античных авторов о центральной роли Дельф в Элладе. Для восприятия святилища в Пифо как центра объединения амфикистонов («вокруг живущих», согласно толкованию античных авторов) значимым было представление о Дельфах как географическом центре, в том числе и в категориях сакральной географии, ведь там находился священный омфал («пуп земли»). Кроме того, *О.В. Кулишова* указала на социологический аспект особенного положения

святилища Аполлона в Дельфах, на его значение в развитии разного рода связей (не только сакральных, но и политических, экономических, межгосударственных) в греческом мире, прежде всего между членами Пилейско-дельфийской амфики-тионии. В заключение автор подчеркнула особенную роль Дельфийского святилища в складывании идеи общегреческого единства. *А.В. Леонтьев* (Санкт-Петербург) сделал доклад на тему «Традиционная религия и орфико-пифагорейское движение в городах Великой Греции в V–IV вв. до н.э.». Прежде всего, автор отметил широкое распространение орфизма в греческих полисах, особенно в Великой Греции, и указал на важность таких источников, как сообщения Пиндара и так называемые «золотые таблички». *А.В. Леонтьев* показал специфику религиозных верований в некоторых городах Италии и Сицилии, отметив огромную роль почитания Деметры и Персефоны, что, однако, по мнению автора, не противоречит традиционной религии, а позволяет говорить о ее местных особенностях. *А.В. Горохова* (Москва) в докладе «Влияние оракулов на политическую жизнь Греции VI–V вв. до н.э.» рассмотрела этот вопрос на примере политической борьбы в Афинах накануне прихода к власти Писистрата и во время его тирании. Как считает автор, Писистрат проводил явную антидельфийскую политику и выдвигал в противовес Дельфам другой центр культа Аполлона – Делос. *Н.С. Широкова* (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад «Галльский бог Езуз по античным литературным и археологическим свидетельствам» малоизвестному широкой публике галльскому божеству. Автор рассмотрела известия об этом боге на широком религиозно-мифологическом фоне, и этот контекст дал возможность определить сущность Езуза как верховного галльского бога, имеющего общие черты с германским Одним и отождествленного римлянами с Меркурием.

Последние три доклада этого заседания были посвящены христианской тематике. *Е.В. Амосова* (Великий Новгород) сделала доклад «Ранняя христианская историография (до Евсевия)», в котором показала, что эволюция представлений о месте христиан в мировой истории отражает процесс интеграции христианских общин в жизнь римского общества. Сохранившиеся фрагменты сочинений первых историков-христиан (Гегесиппа, Ипполита, Юлия Африкана) позволяют выделить ключевые этапы формирования христианской историографической традиции. В докладе «Образ мученика в христианской традиции II в.» *В.В. Василика* (Санкт-Петербург) были рассмотрены различные аспекты парадигмы мученичества: поведение мучеников, их психологический портрет, наконец, архетип самого рассказа о мученичестве. Автор отметил, что в христианской традиции подчеркивается единство слова и дела, а основным архетипом является мученичество на Голгофе. Сходной теме был посвящен доклад *А.Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) «Мученичество и самоубийство: проблема восприятия». Сначала автор рассмотрел культ самоубийства у античных философов, особенно у стоиков, что, по его мнению, повлияло на восприятие мученичества христиан язычниками. Обращаясь к самой христианской традиции, *А.Д. Пантелеев* отметил, что в ней прослеживаются две тенденции: одна опирается на стоицизм и выступает за активное мученичество, а другая – на платонизм и занимает противоположную позицию.

Одновременно с секцией истории религии 27 октября проходило заседание секции, посвященной проблемам источниковедения античной истории (председатель – С.М. Жестоканов), где было прочитано шесть докладов. Доклад *С.Г. Карнюка* (Москва) «Острова и островитяне в “Истории” Фукидида» был посвящен восприятию греческими авторами V в. до н.э. историком Фукидидом, а также его современниками (Аристофаном, Псевдо-Ксенофонтом, Ксенофонтом) – понятия «остров» и анализу островного положения. Автор особо подчеркнул важность геополитического понимания островов Фукидидом и его современниками. *А.С. Степанова* (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад теме «Идея всеобщего в концепции Полибия (исторический контекст и философский смысл)». Автор отметила, что идея всеобщего является устойчивой интеллектуальной парадигмой эллинистически-римской эпохи. Сопоставление двух планов этой идеи – философского и историографического, – во-первых, показывает существование известного параллелизма, иногдаходящего до терминологических совпадений, а во-вторых, подтверждает, что в описываемую эпоху отнюдь не был утрачен чисто теоретический интерес, а новый исторический метод отвечал как той исторической реальности, которую являл собой греко-римский мир, ставший объектом исследования историка, так и духовной атмосфере эпохи, актуализировавшей концепт

всеобщего. В докладе *Г.С. Самохиной* (Петрозаводск) «“Тактика” Полибия и греко-римская литература по военному искусству» были высказаны возражения против распространенного мнения о том, что утерянная работа Полибия по тактике лежит в основе как наших представлений о македонской фаланге, так и всей последующей римско-эллинистической литературы по искусству ведения полевой войны. Г.С. Самохина выразила сомнение в том, что общее для подобных работ название идет от Полибия или стоиков и что при нынешнем состоянии имеющихся в нашем распоряжении текстов Полибия, Арриана, Элиана можно утверждать, что все эти авторы пользовались только работами писателей стоического направления, или что практики военного дела работали лишь на основе какого-то одного произведения по военному искусству.

А.В. Хазина (Нижний Новгород) в докладе «Статус аффективного у Посидония: исторический сюжет сквозь призму этического» рассмотрела проблему влияния этического учения Посидония Апамейского о природе человеческих аффектов на стиль и содержание его «Историй». Сопоставительный анализ отрывков из трактата Посидония «О страстях», приводимых Галеном в работе «О мнениях Гиппократов и Платона», и сюжетов из «Историй», сохранившихся в передаче Диодора Сицилийского, Страбона, Афиня, показал, что аффективное стало у Посидония предметом исследования не только этики, физики, но и истории. Внимание к иррациональной составляющей человеческих поступков связывалось с пониманием дидактической задачи историописания и во многом определяло как принцип подбора материала, так и углубленно-наблюдательный, психологический стиль исторического нарратива Посидония. В докладе *Л.В. Софроновой* (Нижний Новгород) «Антично наследие в педагогической мысли Северного Возрождения (Джон Колет и Эразм Роттердамский)» были сопоставлены положения трактата Эразма Роттердамского «О способе обучения, а также чтения и толкования авторов» (1512 г.) и Устава школы св. Павла, основанной Джоном Колетом при соборе св. Павла в Лондоне в 1512 г. Л.В. Софронова показала, что все содержание обучения в грамматической школе заключалось в латинской и древнегреческой словесности (*bonae litterae*) и состояло из двух этапов. На первом ученики осваивали оба классических языка и читали древних авторов как для совершенствования стиля устной и письменной речи, так и в качестве предварительной стадии к постижению наук. Источником научных знаний (их приобретение составляло содержание второго этапа) также служили древние авторы. Отличительной чертой педагогики английского Возрождения, отразившейся в Уставе Дж. Колета, было обращение к единой, как языческой, так и христианской, древности.

В докладе *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «Большие споры о небольшой речи: о некоторых итогах изучения речи “К царю” Псевдо-Аристиды» были рассмотрены различные точки зрения, высказанные за последние сто лет на время составления, адресата и автора названной речи. В качестве адресатов этого анонимного энкамиа предлагались самые разные римские императоры от Траяна и Антонина Пия до Деция, Филиппа Араба и Галлиена. Кроме того, высказывалось мнение, что эта речь – не более чем риторическое упражнение в жанре «царской речи» и может быть отнесена даже к IX в. История изучения речи «К царю» свидетельствует об известной ограниченности историко-филологического метода и показывает необходимость учитывать специфику риторического дискурса при изучении античной идеологии власти.

Работа конференции завершилась 28 октября 2004 г. вторым пленарным заседанием, на котором было прослушано шесть докладов. Доклад *В.В. Селиванова* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «У истоков европейской цивилизации: слово и понятие Европы». Докладчик приводит различные версии этимологии слова «Европа», начиная с античных времен до наших дней, и склоняется к версии финикийского происхождения данного слова. *Ю.Б. Циркин* (Санкт-Петербург / Великий Новгород) в докладе «Основание Массалии и Карфагена: некоторые аналогии» предложил свой вариант ответа на вопрос, волнующий научный мир уже долгое время: можно ли рассматривать финикийскую и греческую колонизации как разновидности одного и того же явления? Докладчик указал на ряд важных аналогий в ранней истории Карфагена и Массалии, в частности, на мирные отношения с местным населением на начальном этапе колонизации, которые могли достигаться, помимо прочего, и путем заключения межэтнических браков (в карфагенском варианте такой брак, по крайней мере, намечался), и резкое обострение этих отношений в дальнейшем. Ю.Б. Циркин пришел к заключению, что

идентичность событий, связанных с основанием обоих городов, объясняется характером колонизации, для которой в обоих случаях было характерно преобладание торгового аспекта.

В докладе *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) «Парфенон: история изучения памятника» рассматривались первые этапы знакомства русских художников с памятниками греческого искусства в самой Греции в начале XIX в. Особое внимание автор уделила участию Федора Калмыка в экспедиции лорда Эльгина 1801–1803 гг., деятельности архитектора Н.Ф. Алферова по обмерам Парфенона в 1806 г., проекту изучения памятников Акрополя, разработанному президентом Академии художеств А.Н. Олениным в 1820 г. *М.Ю. Серова* (Санкт-Петербург) в докладе «Александрийская библиотека (к истории библиотечного дела в античном мире)» затронула вопросы каталогизации литературы и установления авторства в Александрийской библиотеке. Особое внимание автор уделила деятельности поэта и ученого Каллимаха на посту руководителя библиотеки. *С.И. Межеричкая* (Санкт-Петербург) в докладе «Вторая софистика как культурно-исторический феномен» сопоставила Первую и Вторую софистику в отношении той роли, которую каждая из них играла как в политике и в философии, так и в литературном процессе своей эпохи. В результате проведенного сопоставления автору удалось не только установить характер преемственности между этими двумя социокультурными явлениями, но и определить специфику Второй софистики как культурного феномена римской эпохи. В заключение был сделан вывод о том, что появление Второй софистики было предуготовано всем ходом социального и культурного развития античного общества, в результате которого риторика выдвинулась на передний план и заняла ведущее положение в духовной жизни Римской империи. Таким образом, Вторая софистика, по мнению С.И. Межеричкой, представляет собой уникальное явление поздней античности, ставшее неким соединительным звеном, точкой соприкосновения культурного наследия классической Греции с совершенно новой исторической действительностью.

В докладе *П.В. Шувалова* (Санкт-Петербург) «Поздняя античность или ранняя Византия и средневековье? Обзор новейших исследований» вниманию слушателей было представлено обзрение новейшей историографии по проблеме перехода от античности к средневековью. Основным лейтмотивом выступления стал тезис о невозможности расценивать позднесантичный период древней истории как эпоху безусловного упадка. Большой интерес представляет и другой тезис о том, что античный период в истории Европы продолжался вплоть до начала VII в. В подтверждение своей точки зрения автор ссылаясь, в частности, на мнение специалистов по культуре Византии, считающих началом византийского периода в истории искусства рубеж VIII–IX вв. Таким образом, в докладе П.В. Шувалова разрабатывалась концепция «долгой античности», пережившей варварские вторжения IV–V вв. и сошедшей с исторической арены лишь в результате нашествия на рубеже VI–VII вв. новых завоевателей – лангобардов, славян, арабов.

Закрывая работу конференции, итоги «Шестым Жебелёвским чтениям» подвел *Э.Д. Фролов*. В своем выступлении он отметил разнообразие тематики и высокий уровень представленных докладов. По сложившейся на Жебелёвских чтениях традиции значительную часть программы заняли доклады по историографии и источниковедению. Наряду с этим обсуждению подверглись различные аспекты античной истории – политического развития и государственных форм, положения и взаимоотношений различных социальных групп, темы религии и интеллектуальной жизни, военного дела, влияния античности на позднейшую европейскую культуру. В заключительном обмене мнениями особо отмечалось, что широкий состав участников из различных университетских и академических центров нашей страны свидетельствует о большом интересе, который вызвала конференция, об удачно найденном девизе и направлении Жебелёвских чтений в Петербурге.

О.В. Кулишова, Э.Д. Фролов